

Карманные деньги для карманников

Неизвестное письмо «нэпмана» А.С. Макаренко

Гётц ХИЛЛИГ, руководитель лаборатории «Макаренко-реферат» Марбургского университета (ФРГ), вице-президент Международной макаренковской ассоциации, доктор философских наук, приват-доцент

Светлой памяти Валентина Кумарина

Наши последние встречи с Валентином Васильевичем состоялись в конце мая 2002 года. Конечно, его сердце было ослаблено, но голова, как всегда, работала ясно и продуктивно.

Он мне рассказывал о своих научных планах и просил в следующий раз привезти для него информацию о системе народного образования в современной Германии. Я пообещал с ним вновь встретиться через четыре месяца.

После этого я отправился в Киев, где работал в Центральном архиве с материалами Наркомпроса УССР. Там мне удалось обнаружить важный документ из Полтавской колонии им. М. Горького, который, безусловно, мог бы представлять большой интерес для Валентина. Я решил обсудить с ним этот, до тех пор неизвестный макаренковедению, источник во время моего очередного визита в Россию.

Сейчас я опять в Москве, но, к сожалению, Валентина уже нет с нами...

Поэтому я представляю этот документ вниманию читателей его любимого журнала «Народное образование».

...Я знал В.В. Кумарина более тридцати лет, с того времени, как мы с З. Вайтцом разыскали Виталия Семёновича Макаренко в доме престарелых во Франции и убедили его написать воспоминания о проведённых им вместе со старшим братом детских и юношеских годах. В это время я часто встречался и работал с Кумариным в Москве и в Марбурге.

В представленном здесь документе речь идёт о просьбе заведующего Полтавской колонией им. М. Горького к его руководству в Наркомпросе УССР разрешить «выдавать старшим воспитанникам, уже подготовленным к выпуску из колонии, небольшие карманные деньги. Они — по словам «завкола» — позволят воспитанникам сделать некоторые сбережения перед выходом на самостоятельную работу, а самое главное — приучат их иметь у себя деньги, хотя бы и небольшие». Это цитата из уже известного письма Макаренко к областному инспектору дефективного детства Харьковской области М.Н. Котельникову (от 30 марта 1924 г.).

Но письмо так и не легло на стол его адресата. Из-за реорганизации Главного комитета социального воспитания просьбой Макаренко занимался новый руководитель Отдела охраны детства Главсоцвоса, который только что получил эту должность. Этим работником оказалась Галина Стахивна Салько — будущая жена педагога-писателя.

В своём ответе (украиноязычное письмо от 19 апреля 1924 г.) Г.С. Салько вначале отклонила просьбу «завкола», указывая на то, что подобная практика не соответствует существующим предписаниям. При этом она ссылалась на Кодекс законов народного образования УССР от 15 ноября 1922 г., а также на «Руководство по социальному воспитанию» (изд. 1922 г.). Но, кроме этого, она (очевидно, не зная, что колония им. М. Горького в данный момент уже была опытно-показательным учреждением Наркомпроса УССР) предлагала полтавскому «завколу» написать докладную записку в Губсоцвос для дальнейшего рассмотрения вопроса в Главсоцвосе и на заседании его научно-педагогического комитета (Научпедкоме). Во всяком случае, из письма своей будущей жены Макаренко сделал вывод: нужны более детальные аргументы, чтобы убедить руководство колонии выплачивать воспитанникам карманные деньги. Поэтому 4 мая 1924 г. он вновь обратился к Главсоцвосу НКП УССР.

Представленный здесь документ позволяет по-новому взглянуть на представления А.С.

Макаренко о воспитательном процессе. В нём более аргументированно, чем в других, уже известных письмах «завкола», автор подчёркивает необходимость подготовки его воспитанников для жизни в условиях НЭПа. В этом смысле Макаренко действительно вёл себя как предприниматель («нэпман»): стремился самостоятельно вести своё хозяйство, подготавливать воспитанников для их будущей «постколониальной» жизни.

Это, конечно, в какой-то мере напоминает нам сегодняшнюю ситуацию в странах СНГ и по-новому подчёркивает значение всей совокупности педагогических идей А.С. Макаренко. Такие размышления были бы, вне всякого сомнения, созвучны идеям Валентина Кумарина, который приложил много сил для того, чтобы макаренковская педагогика не потеряла своей актуальности. Впрочем, именно Валентин Кумарин, насколько мне известно, впервые назвал Макаренко «нэпманом».

Заявление полтавского «завкола» 24 июня 1924 г. было рассмотрено на заседании президиума Научпедкома, который дал своё согласие на проект о карманных деньгах. Но это решение органа Наркомпроса УССР мне и моим постсоветским коллегам-макаренковедом до сих пор было неизвестно. До сегодняшних дней они ошибочно ориентировались на утверждение самого Макаренко в одном из его выступлений в Наркомпросе РСФСР (в январе 1938 г.): «Украинский Наркомпрос категорически возражал против выдачи карманных денег воспитанникам колонии, считая, что таким образом я буду воспитывать меркантильность. Поэтому я мог выдавать карманные деньги только тайно, предварительно договорившись с воспитанниками, что они никому не будут об этом говорить, и должен был проводить эти карманные деньги тоже более или менее мошенническим образом».

Полтавская трудовая
колония им. М. Горького
4 мая 1924 года
№ 225

В Главсоцвос
Главному инспектору Охраны детства.
Копия: Полтавскому Губсоцвосу.

Вновь поддерживая своё ходатайство от 30 марта за № 119 и в ответ на предложение Главсоцвосо от 19 апреля с/г за № 8639, представляю следующее:

В институте карманных денег я не вижу противоречий ни общим принципам соцвосо, ни указанным в № 8639 положениям Кодекса 157. Коллективное воспитание является самым главным принципом и для меня, и для педагогического состава колонии им. М. Горького. Реализуя этот принцип, колония им. М. Горького главное его выражение видит не только в том, что все воспитанники колонии составляют коллектив, совершающий единое движение, но главным образом в такой организации системы влияний, при которой каждый воспитанник подвергается этим влияниям не непосредственно, как индивидуум, а почти исключительно через коллектив при посредстве его учреждений, связей, труда и общего тона.

Организация коллектива воспитанников в своих частностях и ревизуется приложением указанных выше принципов, но я не могу согласиться с тем, чтобы при помощи предварительного сравнения принципа и средств можно было установить пригодность или непригодность последнего. Мне кажется, что всякое средство может быть полезно или вредно исключительно в зависимости от того, каким образом оно применяется и в каком отношении стоит к другим средствам учреждения. Судить о ценности метода и средства поэтому можно только в опыте. Этот же опыт позволяет и предварительно предчувствовать его полезность, но, разумеется, такое предчувствие возможно только на месте в процессе реальной работы.

Я рассчитываю, что и в Губсоцвосе, и в Главсоцвосе может оказаться доверие ко мне и моим сотрудникам не только в образе предвидения правильности нашего чутья, но и в виде уверенности, что, если опыт с карманными деньгами окажется неудачным, мы и сами это

не постыдимся признать.

Подвергая же каждую деталь предварительному рассмотрению в губернии и в центре, значит направить организации по пути, если можно так выразиться, слишком дедуктивному.

За четыре года существования колония им. М. Горького нашла много деталей и вариантов соцвоса, но многие положения пришлось и отбросить, как в опыте оказавшиеся неудачными.

Отказаться от подобного метода организационных поисков — значит отказаться вообще от исканий. Производить их в порядке центрального рассмотрения и санкции значит лишить их необходимого размаха и смелости. Мне кажется, и Губсоцвос, и Главсоцвос всегда имеют возможности допустить законность такой логики для своих опытных учреждений.

Переходя специально к вопросу о карманных деньгах, я не буду утверждать, что их введение обязательно окажется полезным. В настоящий момент я могу произвести только приблизительный анализ их возможной полезности. Я предвижу, что эффект карманных денег будет очень сложным. Пока я имею основания ожидать его в следующих областях.

1. В то время, когда жалованье воспитателей было совершенно ничтожным и почти ничего не прибавлялось к их бюджету, положения воспитателей и воспитанника были экономически равными.

Воспитатели, так же как и воспитанники, кормились с котла и так же получали одежду и прочее. С того времени, как зарплата стала увеличиваться, было положено начало экономическому неравенству. Это неравенство переживается просто принципиально, а не количественно. Воспитатели, такие же члены коммуны, как и воспитанники, располагают дополнительным правом свободного использования денег. Воспитательский коллектив, стремясь уменьшить указанное неравенство, отказался от получения натурального довольствия, но и это произвело обратное действие, ибо ещё больше была подчеркнута принципиальная разница в способах удовлетворения потребностей. Воспитательский состав делается, так сказать, определённо «Денежной аристократией».

Так как сущность разделения лежит не в количестве благ, а в форме распределения, то и борьба с разделением должна идти в том же направлении. Небольшие деньги в руках воспитанника, которыми он может располагать свободно, принципиально уравнивают его с воспитателями. Внешним показателем будет то, что мне не будет стыдно уплачивать, а воспитателям получать жалованье.

2. Воспитанники колонии давно уже считают своим долгом ежедневный труд в своей коммуне, труд, приносящий ценность. Хотя колонийское хозяйство ещё далеко не способно себя окупать, тем не менее воспитанники привыкли считать, что они не дармоеды, что их потребности удовлетворяются в порядке распределения коммунальных доходов. Педагогический совет и введение карманных денег рассчитывает организовать по этой линии. В глазах воспитанников эти деньги будут представляться частью коммунальных доходов, но не в натуральной, а в денежной форме.

3. Как уже указывалось в № 119, представляется необходимым воспитывать в колонистах привычку к индивидуальному бюджету. До тех пор, пока мы выпускаем воспитанника в общество, основанное на индивидуальном бюджете, мы не имеем право не давать воспитаннику соответствующих навыков. В то же время право личности на выбор в удовлетворении ближайших потребностей не оспаривается ни одним положением социализма и не противоречит общим принципам советской системы воспитания. Так или иначе переход воспитанника из колонии, где все его потребности удовлетворяются по коммунальному плану в условиях, где ни одна потребность таким способом не удовлетворяется, представляет значительную опасность.

4. Педагогический совет колонии рассчитывает, что введение карманных денег повысит у колонистов мнение о себе и о своей общине и позволит проявиться некоторым вкусам и чертам характера.

5. По отношению к некоторым воспитанникам введение карманных денег уничтожает

неловкость, которая всегда имеет место, если воспитанник, имея на руках часто очень большие деньги колонии, в то же время лично никогда не имеет случая обладать правом денежного расхода для себя.

б. Введение карманных денег подчеркнёт деловую дифференциацию колонистов, работу и значение опытных старых членов коммуны и движение вперёд молодых.

Заведующий колонией М. Горького
(подпись А. Макаренко)

ЦГАВО Украины, 166-4-349, лл.9-10. Оригинал. Машинопись.